

бов, едва ли не самый влиятельный сановник того времени. Зубов не был сенатором и непосредственного участия в обсуждении сенатской реформы принять не мог, но он имел многочисленную клиентуру среди гвардейской молодежи, а поддержка гвардии придавала его голосу ту весомость, которой не было ни у одного из сенаторов. Во многом этот укрывшийся от внимания ученых, но хорошо известный членам Негласного комитета факт проясняет то, казалось бы, трудно объяснимое внимание, которое проявил Александр к мнению Г. Р. Державина в сравнении с мнениями отдельных сенаторов и всего Сената в целом. Вместе с тем этот факт заставляет существенно пересмотреть и позицию Негласного комитета в вопросе о реформе Сената, а вместе с ней и всю трактовку борьбы вокруг сенатской реформы как столкновения «молодых друзей», членов Негласного комитета и «екатеринских стариков», заседавших в Сенате.

Л. А. БУЛГАКОВА

ОТЧЕТЫ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ПО УЧЕБНЫМ ОКРУГАМ И УНИВЕРСИТЕТАМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследователи, занимающиеся историей образования в России, справедливо сетуют на недостаточность статистических сведений. Нет нужды объяснять, какую важность они имеют для воссоздания исторической картины. Уже в дореволюционной литературе было замечено, что статистика народного образования находится в хаотическом состоянии.¹ Э. Д. Днепров подчеркивает первобытное состояние статистики образования в дореформенное время: по средней и высшей школе имеются эпизодические данные, по начальной — практически отсутствуют вовсе.² С 80-х годов XIX в. в этой области наблюдается некоторый прогресс, но неполнота, нерегулярность и несогласованность информации очевидны, поэтому каждый введенный в научный оборот источник имеет большую ценность. В последнее время значительная работа была проделана Г. И. Щетининой по статистической обработке и анализу послужных списков профессоров и преподавателей университетов.³ Но этот источник имеет свои недостатки⁴ и при всей со-

¹ Фальборк Г. А. и Чарполуский В. И. Народное образование в России. СПб., 1899, с. 129.

² Очерки по истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976, с. 516.

³ Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976.

⁴ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978, с. 11; Щетинина Г. И. Послужные списки как исторический источник. О составе профессоров в пореформенной России. — История СССР, 1977, № 1, с. 84—96.

держательности охватывает лишь круг вопросов, связанных с составом и положением преподавателей.

В данной статье мы хотели бы обратить внимание историков на источник, до сих пор недостаточно изученный, заключающий в себе богатейшую информацию по всем сторонам образования.

Первые отчеты попечителей учебных округов появились в начале XIX в. В январе 1803 г. Россия была разделена на шесть учебных округов во главе с попечителями, которые должны были заботиться о приведении округа «в цветущее состояние», сообщать министру народного просвещения о текущих делах и представлять отчет о суммах, отпускаемых на годичное содержание училищ.⁵ Отчеты попечителей служили министру материалом для составления годовых отчетов, предусмотренных Манифестом об учреждении министерств 8 сентября 1802 г.⁶

Основу окружных отчетов в свою очередь составляли отчеты дирекций училищ. В 1804 г. устанавливались определенные формы отчетных ведомостей учебных заведений.⁷ Дирекции училищ представляли: 1) именные списки учащихся со сведениями об их словесном происхождении, возрасте, посещаемости, способностях, поведении и т. д.; 2) ведомости о приходе и расходе сумм с указанием их источника (Приказы общественного призрения, городские думы, казенная палата и пр.) и размеров трат на учебные пособия, книги, жалованье и т. д.; 3) ведомости о состоянии учебных заведений — их числе, местонахождении, времени основания, количестве классов и учебных предметов, числе учителей с обозначением чинов, происхождения, размера жалованья и др., числе учащихся с основными сведениями из именного списка, состоянии учебных пособий. Все эти сведения; за исключением подробных данных об учителях и учащихся, входили в окружные отчеты, где подводились общие итоги о движении сумм, числе учебных заведений, учащихся, учителей и прочих служащих. Отчеты университетов были более подробны и включали сведения об изменениях в личном составе, занятиях Совета, Правления. Они представлялись в министерство без каких-либо изменений.

Основными звеньями бюрократической цепочки отчетности были учителя начальной школы — смотрители уездных училищ, позднее инспектора народных училищ — директора губернских гимназий — ректоры университетов — попечители учебных округов — министр народного просвещения — император.⁸ Наиболее ин-

⁵ ПСЗ 1, № 20597, ст. 20; № 20598.

⁶ Там же, № 20406, ст. XII.

⁷ Там же, № 21501, § 81, приложение.

⁸ Эта схема является упрощенной. Например, директора губернских гимназий представляли отчеты в Училищные комитеты при университетах только до 1835 г., а отчеты попечителей попадали к царю после рассмотрения в Главном правлении училищ, Сенате, Государственном совете или Комитете министров и т. д., где обсуждение обычно носило формальный характер. В пореформенный период отчеты инспекторов народных училищ представлялись непосредственно в управления округов.

формативным является пятое звено: в канцеляриях попечителей накапливались максимально полные данные об учебных заведениях округа. Попечитель представлял министру их механическую сводку, обычно не утруждая себя проверками. Точность сведений почти целиком лежала на совести местных учебных властей, которые, однако, не стремились к преднамеренному искажению. Основная масса статистических материалов «тонула» в архивах, так и не подвергшись обработке и не получив огласки. Во всеподданнейших отчетах приводились обычно самые общие цифры о числе учебных заведений, учащихся и учащихся, о приходе и расходе сумм, подавляющая часть сведений не анализировалась.

После Отечественной войны 1812 г., а также удаления от дел гр. М. М. Сперанского, явившегося, по выражению Д. Н. Блудова, душой новых государственных учреждений, «министры, вероятно, не без удовольствия воспользовались случаем уклониться от вмешательства в их дела»⁹ и потому в последующие годы отчеты министров не представлялись. В 1817 г. гр. А. А. Аракчеев объявил министрам высочайшее повеление вносить ежегодно в Комитет министров перечневые ведомости о решенных и нерешенных делах.¹⁰ Кроме того, со времени образования в 1811 г. Государственного контроля министерство представляло туда годовые денежные отчеты учебных заведений.¹¹ Отчеты попечителей по инерции продолжали поступать в министерство, но после смены в 1817 г. министра народного просвещения их составление прекратилось.

В царствование Николая I практика общих министерских отчетов возобновилась. В середине 1833 г. были разосланы формы отчетов университетов, лицеев, учебных округов и дирекций училищ.¹² Это позволило издать отчет МНП за 1834 г., основную часть которого заняли материалы о состоянии учебных округов, составленные на основе попечительских отчетов.

Отчеты университетов состояли из трех неравноценных глав. В первой главе — «Состав университета» — приводились сведения о числе факультетов, отделений, а также о числе студентов и слушателей, преподавателей и других служащих по сравнению со штатным расписанием и численностью за предшествующий год, а также обо всех изменениях в личном составе (поименно). Вторая, наиболее содержательная глава — «Действия и состояние университета» — включала четыре последовательно убывающих по объему раздела. В первом разделе — «Часть учебная» — со-

Подробнее см.: Мацкина Р. Ю. Министерские отчеты и их особенности как исторического источника. — В кн.: Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964, с. 209—226.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 1275, он. 1, д. 3а, л. 67—67 об. (Копия всеподданнейшей записки Д. Н. Блудова 29 марта 1858 г.).

¹⁰ Там же, л. 67 об.

¹¹ ПСЗ 1, № 24502.

¹² Сборник распоряжений по МНП. 1802—1834. Т. 1. СПб., 1866, № 483.

держалась информация о предметах и методах преподавания, успехах студентов, о получивших ученые степени, отправленных за границу для усовершенствования, о состоянии библиотек, кабинетов, лабораторий, клиник, обсерваторий, учебных пособий, о пансионах, педагогических и медицинских институтах при университетах, публичных лекциях и т. д. Не обходилось и без курьезов: так, составители отчета Казанского университета отнесли в верноподданническом порыве к учебным пособиям даже утварь университетской церкви (кресты, кадила, венчики из роз).¹³ В этом же разделе излагались своеобразно понимаемые «распоряжения к улучшению состояния учащихся», куда обычно включались полицейско-административные меры по наблюдению за «духом и направлением преподавания», усилению надзора за студентами, улучшению их «наружного образования» посредством маршрутки под руководством отставных унтер-офицеров и др. Во втором разделе — «Часть ученая» — сообщалось об ученых наблюдениях, экспедициях, трудах, занятиях Совета университета. Третий раздел — «Часть хозяйственная» — содержал сведения о состоянии зданий, постройках и починках, доходах и пожертвованиях. В последнем разделе — «Часть делопроизводительная» — сообщались результаты ревизии, число заседаний Совета, Правления, факультетов, прохождения дел. В заключительной, обычно наиболее краткой, главе — «Особые происшествия» — отмечались августейшие и начальственные посещения, торжественные акты.

Ценная информация содержалась в прилагавшихся восьми ведомостях. В именном списке преподавателей и других должностных лиц, начиная от ректора и кончая швейцаром, указывались чин, должность, место рождения, сословное происхождение, возраст, вероисповедание, семейное положение, время пребывания в должности, а иногда и в учебной службе, место образования, наличие ученой степени, представленные сочинения, работа в других местах, содержание, в том числе жалованье (штатное и добавочное), столовые и квартирные деньги (или пользование казенной квартирой). Именные ведомости учащихся представляли собой списки с указанием возраста, происхождения, содержания (своекоштный, казеннокоштный, пансионер), факультета, курса, поведения, успехов, предварительного образования, времени обучения в университете. В ведомостях о числе лиц, получивших ученые степени, отмечалось сословное происхождение, факультет и содержание «остепененного». Перечневые ведомости учащихся, выбывших до окончания курса, с разделением по сословиям, факультетам и содержанию, дают возможность установить причины колоссального отсева, так как в них обозначались, помимо неопределенных, — «по собственному желанию», конкретные — невзнос установленной платы и др. К отчетам прилагались также

¹³ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 95, д. 587, л. 76—82 (Отчет Казанского университета за 1848 г.).

ведомости о числе слушателей каждого предмета, о состоянии библиотек, типографий, о движении дел и особые отчеты существовавших при университетах обществ — испытателей природы, истории и древностей российских и т. д. Аналогичные отчеты представляли другие высшие учебные заведения МНП.

По тому же принципу составлялись отчеты по учебным округам, с той лишь разницей, что сведения приводились по учебным и воспитательным заведениям (как казенным, так и частным) отдельных дирекций училищ, составлявших округ. Исходная информация содержалась в приложениях, главными из которых были ведомости об учебных заведениях с указанием их местонахождения, времени основания и доходов, числа классов, а также учителей и других чиновников, характеристикой помещения и учебных пособий, сословного происхождения и успехов учащихся, отношения числа учащихся к числу жителей. Кроме того, прилагались именные списки учителей, в том числе лиц, занимавшихся частным преподаванием, и прочих чиновников, идентичные по форме университетским, и ведомость о решенных и нерешенных делах.

Формы отчетов университетов и учебных округов не раз менялись, но в общем потоке отчетной информации сохранились три главных направления: состояние учебных заведений, положение и состав учащихся и преподавателей. Составленные в 1860 г. формы отчетов отличались громоздкостью и обилием незначительных подробностей. Особенные нарекания вызывали многочисленные ведомости, списки, перечни, которых прилагалось к отчету университета 16, а к отчету учебного округа — 19. Из них можно было узнать, сколько сараев, конюшен и погребов принадлежало училищам, сколько комнат насчитывалось в казенных квартирах, какими болезнями «были одержимы» больные факультетских клиник, сколько печей переложено, стен побелено, дверей покрашено и т. д.

В 1863 г. было признано, что эти ведомости «столько же обременительны для канцелярий при составлении, сколько при извлечении из них каких-либо полезных выводов».¹⁴ Были составлены новые формы отчетов, главное отличие которых от прежних заключалось в сокращении приложений.¹⁵ К отчету университета прилагались только 3 ведомости: 1) именной список преподавателей и прочих чиновников; 2) ведомость о суммах университета (штатных, сбора за обучение, пожертвованных, переходящих) и 3) ведомость о числе лиц, утвержденных в ученых степенях и званиях с указанием степени и факультета. По учебным округам

¹⁴ Там же, оп. 193, д. 83, л. 22 об. (Записка председателя Особой комиссии МНП для пересмотра и упрощения форм годовых отчетов по учебным округам и университетам М. М. Могилянского министру народного просвещения А. В. Головнину 22 ноября 1863 г.).

¹⁵ Сборник распоряжений по МНП. 1850—1864. Т. III. СПб., 1867, № 603.

также сохранялись 3 ведомости: 1) именной список учителей и других чиновников округа; 2) ведомость об учебных заведениях; 3) ведомость о суммах, в которой указывались суммы, затраченные на содержание воспитанников и пожертвованные, собранная плата за обучение. Часть сведений из приложений была перенесена в текст отчета. Попечителям был дан простор для «характеристических замечаний» о «состоянии и ходе» образования.¹⁶

Тем не менее местные отчеты были далеки от идеала. Серьезную критику вызывали сведения о начальных училищах за то, «что они, несмотря на громадное количество исписанной бумаги, далеко не полны и при неточности разграничения разрядов учебных заведений едва ли и верны».¹⁷ «Самые неверные и преувеличенные или неполные сведения заключались именно в этом разряде».¹⁸ Путаница была вызвана отсутствием четкой классификации начальных школ, недостатками бюрократической организации управления ими, в частности их разноведомственной принадлежностью.¹⁹ Проверка отчетов отличалась большой трудоемкостью, даже при простом суммировании нередко допускались ошибки. Падение уровня достоверности пропорционально пониженному разряду учебных заведений объясняется также значительным креном внимания правительства в сторону высшего и среднего образования. Историк С. И. Миропольский считал, что «достоверная эпоха» начального образования началась только с 1864 г., когда были учреждены училищные советы и земства.²⁰

Министерством предпринимались попытки выработать единые требования, сократить объем окружных отчетов, отделив главное от второстепенного. В 1870 г. формы отчетов вновь изменились, но прежняя основа была сохранена. Впоследствии формы отчетов неоднократно дополнялись, становились упорядоченнее и нагляднее, с многоцветными диаграммами и таблицами, но часть интересных для историка сведений утрачивалась: например, исключены были некоторые сведения из именных списков учителей как важные «для формулярного списка, а не для отчета».²¹ При всех изменениях форм отчетов стабильность основных статистических выкладок дает возможность их сопоставления за разные годы.

В дореформенный период извлечения из отчетов некоторых учебных заведений публиковались в Журнале МНП, с 1870-х годов — в Памятных книжках учебных округов. Выгодно отличаясь от министерских отчетов, они привлекли к себе внимание.

¹⁶ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 193, д. 83, л. 22 об. (Записка М. М. Могилянского).

¹⁷ Сборник распоряжений по МНП. 1865—1870. Т. IV. СПб., 1874, № 354.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Миропольский С. И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб., 1910, с. 67.

²¹ Сборник распоряжений... т. IV, № 354.

Образцовыми считались отчеты попечителя Кавказского учебного округа К. П. Яновского, содержавшие вдвое большую информацию по округу, чем отчеты МНП, и представлявшие собой «выдающееся явление в русской школьной статистике».²² Но такие издания носили нерегулярный характер, не были повсеместны, часть сведений оставалась неопубликованной.

Преимущества местных отчетов по сравнению с отчетами МНП заключаются в значительно большем объеме информации, большей достоверности, так как они не прошли министерский фильтр, и лучшей сохранности за некоторые годы. До нас дошли почти все дореформенные отчеты, что особенно ценно, так как поможет восполнить существующие пробелы в истории образования этого времени. Разумеется, они охватывают только учебные заведения МНП, но именно на него приходилась львиная доля всех институтов, школ, училищ.

Отчеты попечителей хранятся в ЦГИА СССР, в фонде Департамента народного просвещения (733). Вероятно, их отпуски имеются в местных архивах в фондах канцелярий попечителей учебных округов.

Попечительские отчеты позволяют дополнять и корректировать информацию, полученную из других источников. Так, при поиске Г. И. Щетининой послужных списков профессоров и преподавателей университетов за 1875 г. 66 из 387 ей обнаружить не удалось.²³ Безусловно, эта цифра была бы ниже, если бы автор воспользовался приложенными к отчетам университетов именными списками преподавателей, дающими сходную информацию, за исключением сведений о собственности. Но недвижимая собственность имела у сравнительно небольшого числа преподавателей — 10%.²⁴ За дореформенный период из именных списков можно извлечь ту информацию о жалованье, столовых и квартирных деньгах, пользовании казенной квартирой, совместительстве и размере приработка, которая часто отсутствовала в послужных списках, сохранность которых к тому же не всегда удовлетворительна. Кроме того, обработка именных списков сравнительно удобна.

Отчеты попечителей, как и любой другой источник, требуют привлечения дополнительных материалов. Например, из послужного списка ординарного профессора Московского университета А. И. Овера за 1845 г. ясно, что ни он, ни его жена не имели земельной собственности.²⁵ Именной список преподавателей и чиновников университета за тот же год сообщает, что он получал обычное профессорское жалованье 1429 р. 60 к. и 285 р. 92 к. по должности старшего врача городской больницы, где также поль-

²² Фальборк Г. А. и Чарнолуский В. И. Народное образование в России, с. 123—124.

²³ Щетинина Г. И. Университеты в России..., с. 49.

²⁴ Там же, с. 51.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1349, оп. 4, д. 265, л. 197 об.—198.

зовался казенной квартирой.²⁶ Но напрасно мы будем полагать, что знаем материальное положение даровитого врача. Краткие характеристики современников скажут нам больше. Модному дамскому доктору, имевшему громадную практику, за перегнанную воду с малиновым или вишневым сиропом и невинные порошки пациентки сыпали в шляпу десятирублевые бумажки.²⁷ Олимпиец, один-два раза в месяц заезжавший в университет, как метеор, по дороге между двумя визитами на 10 мин., читал 5—6 лекций над большими в течение 8-месячного семестра.²⁸ Несколько строк осведомленных людей, и «средний» профессор преобразуется. Если к этому добавить, что еще в бытность профессором Московской медико-хирургической академии А. И. Овер в благодарность за лечение помещицы Афросимовой получил 700 душ с большим количеством земли,²⁹ то представление о материальной обеспеченности профессора совершенно меняется.

Скудная информация содержится в отчетах попечителей о студенческих революционных выступлениях, политических протестах преподавателей. Как замечает Г. И. Щетинина, замалчивание теневых сторон было характерным для отчетов МНП.³⁰ Это свойственно и попечительским отчетам, в которые сведения о политических волнениях просачивались лишь для того, чтобы показать, «что учебное начальство не дремлет и готово на энергические меры».³¹ В Комиссии для рассмотрения отчета МНП за 1859 г. отмечалось отсутствие данных о «прикоробном брожении и направлении умов, обнаружившемся в студентах университетов в 1857-м и 1858-м годах», что «было причиной многих и немаловажных между ними беспорядков».³² Эти данные так и не появились. Знаменитая формула «На Шипке все спокойно» действовала и здесь.

Несмотря на названные недостатки, отчеты попечителей по университетам и учебным округам не только содержат ценную информацию по истории отдельных учебных заведений и истории образования в разных районах нашей страны, но и позволяет дополнить общее представление о развитии образования в России на протяжении более ста лет.

²⁶ Там же, ф. 733, оп. 95, д. 217, л. 46 об.—47.

²⁷ Соколов М. Г. О Московской медико-хирургической академии, — В кн.: Змеев Л. Ф. Былое врачебной России. СПб., 1890, с. 66—67.

²⁸ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1901, с. 284.

²⁹ Прейсман А. Б. Московская медико-хирургическая академия. М., 1961, с. 44.

³⁰ Щетинина Г. И. Университеты в России..., с. 21.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 202, д. 868, л. 15 (Отчет попечителя Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте за 1863 г.).

³² Там же, ф. 1275, оп. 1, д. 10, л. 8 об.—9 (Журнал Комиссии для рассмотрения отчета МНП за 1859 г.).